

Дина Рубина

«Еврейская невеста»

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

«Еврейская невеста» / Д. И. Рубина — «Эксмо»,

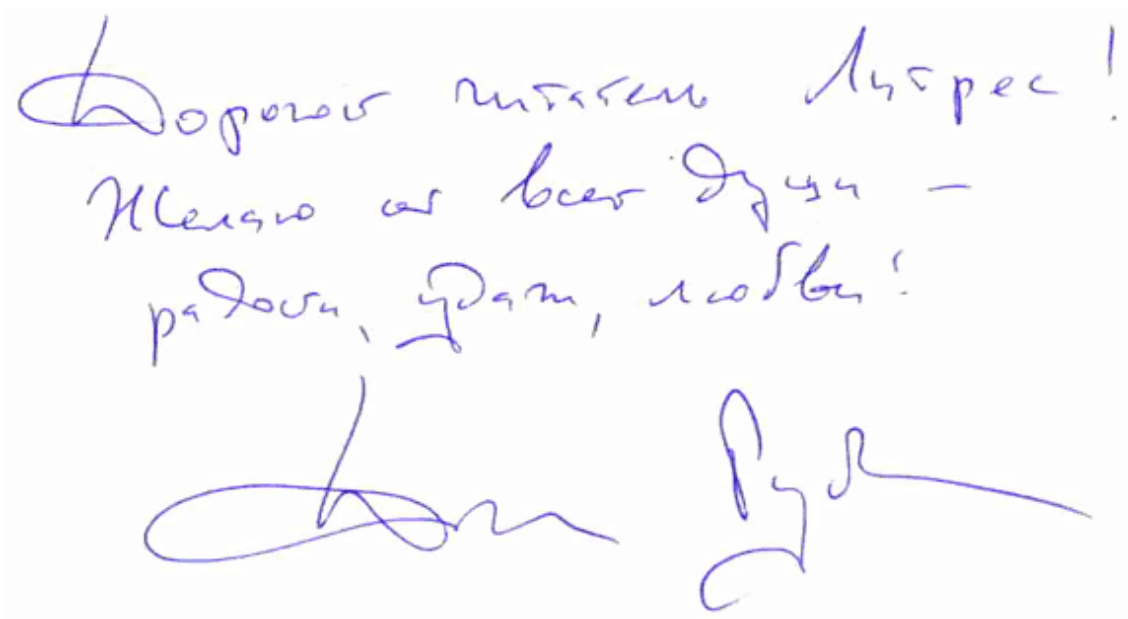
ISBN 978-5-457-10747-2

«Из Парижа выехали ночным в Брюссель, куда Йоська заманивал не один уже год, умолял, повторял на плохом своем, с каждым годом тающим иврите: «Вы имеете комнату в моем доме!» Он должен был встретить нас на вокзале. И не встретил...»

ISBN 978-5-457-10747-2

© Рубина Д. И.
© Эксмо

Дина Рубина «Еврейская невеста»

Из Парижа выехали ночным в Брюссель, куда Йоська заманивал не один уже год, умолял, повторял на плохом своем, с каждым годом тающим иврите: «Вы имеете комнату в моем доме!»

Он должен был встретить нас на вокзале. И не встретил.

– Вот балбес! – сказала я своим. – Ждите здесь, пойду дозваниваться.

Муж с дочерью остались стоять на платформе, я спустилась куда-то в грязные недра вокзала, долго искала телефонный аппарат и долго дозванивалась; мне отвечал по-французски слабый старческий голос.

– Йоси?! – вскрикивала я, зажимая ладонью ухо и вслушиваясь в тембр этого незнакомого голоса. – Мэй ай спикинг виз Йоси?!

Старик что-то лепетал в ответ, повторяя имя сына с жалобно вопрошающими интонациями.

Когда я поднялась на перрон, они стояли уже втроем. Абсолютно прежний Йоська – долговязый верзила, пожилой балбес, вечный подросток. Они замахали мне, оживленно галдя на иврите.

Я подбежала, мы обнялись...

Он оказался совершенно беззубым. От потрясения я чуть не опустилась на асфальт перрона.

– Не обращай вниманий, – сказал он шепеляво своим всегда проникновенным голосом. – Я делать зубы. Страшный цена, ты не поверить: двадцать пять тысяч долларов. Через неделя я опять красавец, спасибо папе!

Он легко закинул на себя наш тяжелый чемодан и повел к выходу, не переставая радостно повторять:

– Мы гулять, мы развлекаться, мы знакомиться с папой, как выросла девочка, сегодня мы ехать в Брюж, а завтра я сам отвозить вас в Амстердам!

Наконец где-то на задах вокзала отыскивали его машину, погрузились, поехали... Машина была другой – ту, на которой мы исколесили с ним весь Израиль, он продал за бесценок перед отъездом... Как и свой дом с пальмой во дворе, почти на краю обрыва...

* * *

...Йоську мы подобрали на борт нашей утлой, занесенной в дальние моря жизни в первую же неделю существования в новой стране. Вернее, он прибил к нам сам, объясняясь сначала жестами – со мной и на идиш – с Борисом.

Началось все так: в зале французской живописи Музея Израиля, куда мой муж помчался едва ли не напрямик из аэропорта «Бен-Гурион», к нему подошел верзила-охранник с пистолетом на поясе. Поняв, что ему не ответят на иврите, заговорил по-английски, по-французски... Мой муж стоял с улыбкой Швейка перед фельдкуратором.

– Голландский? – спросил охранник, – фламандский? итальянский? идиш?

– Идиш! – обрадовался Борис. – Йо-йо, идиш!

– Ты художник? – спросил верзила проникновенно. У него были увлажненные глаза патологического добряка. Настолько, что мой муж насторожился.

– С чего ты взял? – спросил он.

– Я наблюдаю за тобой. Ты стоишь перед картиной уже двадцать минут. Только профессионал может так разглядывать произведение искусства...

Дня через два он явился к нам в гости. Мы уже сняли нашу первую квартиру и даже ввезли мебель с благотворительного склада. Где-то я уже описывала эту мебель, бог с ней, не хочется ее вспоминать.

Йоська просидел у нас до ночи, с аппетитом разделил эмигрантскую нашу трапезу (в те дни мы кормились на строго ограниченную дневную норму денег), долго рассматривал картины Бориса, вскрикивал от восторга, колотил кулаками по коленям, быстро, жарко, непонятно и душевно лепетал на – тогда показалось – отличном иврите.

Мы принимали всерьез каждое его слово, поэтому старались вслушаться, понять, продумать и ответить. К концу визита страшно устали...

– Елки-палки... – сказала я, валясь на благотворительный диван. – А если он нас полюбит?!

И он нас полюбил...

* * *

– ...Мы только слегка перекусить, знакомиться с папой и – марш скорее в Брюж! Борис, ты увидишь, какие фламандские примитивы есть в Брюж! Можно сойти с ума, и ты да сойдешь с ума.

Мы подъехали к одному из подъездов длинного восьмизэтажного дома, который стоял на высоком холме, засаженном старыми наклонными ивами, устилающими зеленую траву своими безвольными ветвями.

Йоська вытащил из багажника наш чемоданище, взвалил на плечо, как вокзальный грузчик, и понес, приговаривая:

– Папа очень милый, только уже многое забывать... С ним ласково, ласково...

Папа встретил нас в прихожей – тихий лучезарный старичок, похожий на субтильного подростка. Даже не верилось, что это известный в прошлом бельгийский тенор. Впрочем, сам он не давал об этом забыть: в квартире все время звучала ария Неморино из «Любовного напитка» Доницетти в папином исполнении тридцатилетней давности.

Мы по очереди пожали папе руку. Он кротко улыбался, но глазами все время тревожно следил за сыном, с нами говорил исключительно по-французски. Казалось, он так и стоял весь день в прихожей, поджидая возвращения Йоси. Не исключено, что так оно и было. Мы улыбались, кивали, растерянно оглядывались на нашего друга.

– Папа немножко забывает время, – деловито и грустно проговорил тот. – Опять живет в войне. Все время беспокоится: чтоб я не выходил на улицу, а то меня забрать в гетто, в лагерь, и там убить, как всех в нашей семье.

Эту историю мы слышали раз, наверное, двадцать: во время войны маленького Йоську спасла семья голландских крестьян... Буквально за неделю до вторжения нацистов в Бельгию старая кухарка их семьи забрала с собой мальчика погостить к своей бездетной сестре в деревню под Роттердамом. Четырехлетнему горожанину Йоське было обещано, что он впервые увидит близко «коровку, лошадей, уток...». И он действительно насмотрелся на живность вдосталь, так как всю оккупацию добряки крестьяне прятали мальчика в задней холодной комнате своего деревенского дома, одна стена которой была общей с хлевом. Он всегда был тепло одет на всякий случай – если немедленно придется бежать. Все остальные сорок девять человек огромной, разветвленной и блистательной семьи брюссельских профессоров музыки, врачей, докторов права, художников, канторов хоральной синагоги, ювелиров и фабрикантов были вывезены в вагонах для скота в один из лагерей смерти на территории Польши...

Отец, известный бельгийский тенор, в это время гастролировал по Америке. Вернувшись после войны в Бельгию, из всех родственников он нашел только худенького, очень вытянувшегося мальчика в теплой шапке, надвинутой на глаза...

Может быть, от промозглых деревенских зим в холодной комнате по соседству с хлевом происходила его столь странная в наших левантийских краях страсть к хорошим перчаткам, теплым шарфам, спортивным шапочкам, которые я дарила ему к праздникам и привозила из разных поездок. Он всегда страшно радовался, восхищался, любовался, ахая и поглаживая вещь; обязательно тут же надевал и сидел весь вечер в подарке, не испытывая даже летом ни малейшего неудобства.

Я и на сей раз привезла ему купленный в Париже ярко-красный шарф, который он немедленно обмотал вокруг шеи, приговаривая:

– Ах, это чудо! Я настоящий именинник! Что за цвет, что за ткань... кашемир, ха! – я тебе скажу, что такое кашемир, – это лучшая шерсть на свете, другого ты не услышишь!

* * *

...Он приходил к нам по субботам. В будние дни его визиты были слишком тяжелой нагрузкой. Он требовал соучастия, ежеминутного отклика, немедленного сочувствия всем своим соображениям и рассуждениям... А в пятницу вечером, за первой субботней трапезой, время катилось живее: закуски, бульон, рыба... ну, и курица, конечно... Всегда можно было перебить его горячую искреннюю речь каким-нибудь невинным вопросом:

– Почему ты не взял рыбы, Йоси? Рыба очень полезна.

Он немедленно подхватывал с огромным энтузиазмом:

– Рыба полезно – это не то слово! Полезно, ха! Ты знаешь – сколько фосфор вот в этот кусочек?!

Словом, это было настоящее наказание. Однако уже месяца через два он стал членом семьи, не больше и не меньше.

Иногда я бунтовала. Кричала Борису:

– Одну субботу! Могу я одну субботу провести только в кругу семьи?!

– Ну, ладно, – соглашался он. – Сказать, чтоб не приходил? Что ты плохо себя чувствуешь?

Я представляла долговязую нелепую фигуру с кобурой на заднице, вечно пустой дом, мятый брикет старого желтого масла в холодильнике. И обреченно вопила из кухни:

– Черт с ним, скажи, пусть приходит! Только сам будешь беседовать с ним о Шостаковиче!

– Йоси! – говорил на идиш мой муж. – Дина вот зовет тебя на ужин в пятницу вечером... Мы будем страшно рады тебя видеть...

И он обязательно приходил...

Это был один из самых возвышенных людей, с какими сталкивала меня жизнь. Наша беседа за субботним столом могла служить образцом утонченных застольных бесед куртуазного века:

– Шостакович – велик! – Молчание, я бы сказала – оживленное молчание. С Йоськой можно было уютно и родственно молчать. – Его Седьмая – это вершина, настоящая вершина, другого я не скажу... Я слушал, как ее дирижировать Зубин Мета, и это было событие на вся моя жизнь...

Уже после ужина я обычно уходила спать, они же с Борисом оставались допоздна разглядывать альбомы, которых у нас «тьма египетская».

Он очень ценил в живописи экспрессию, и часами неслошь из гостиной что-нибудь вроде:

– Кранах велик! Когда я стою перед Кранахом, ты знаешь, я чувствовать, что не напрасно живу, – нет другого слова!

Однажды, проснувшись среди ночи, я удивилась тому, что в гостиной горит свет. Выйдя, увидела такую картину: Борис и Йоська, сидя рядышком на диване, спали над раскрытым альбомом, одинаково откинув головы и похрапывая.

Я окликнула их. Они – оба – открыли глаза, уронили сонные физиономии в разворот альбома, и Йоська сказал:

– А Веласкес?! Веласкес – гений! Борис, когда ты будешь в Прадо, ты увидишь, что Эль Греко – ребенок по сравнению с Веласкес.

У него была забавная манера расставлять великих по ранжиру и каждому вручать вымпел. Правда, с нами, особенно в то время, когда мы еще не поднабрали иврита, он общался как с детьми, понимая, что тут не до нюансов. Так что выяснить, почему именно иерархия выстроена таким образом, а не иначе, было сложно. Итак, в живописи: Веласкес, Рембрандт и Тициан. В музыке: Бах, Моцарт, Бетховен. В литературе, как и положено: Толстой, Достоевский, Чехов. Он вообще считал, что русская литература – самая великая. Я не возражала.

Это было время, когда в русских газетах Израйля психологи, социологи и прочие говоруны доказывали, что не сжиться, не притереться, не срастись нам с миром предпочтений местного населения. Скользкое словечко «ментальность» было ключевым чуть ли не в каждой статье.

С первых же дней знакомства смешной чужак из Бельгии стал для нас просто родственником.

Утомительным, надоедливym, неотъемлемым, родным.

* * *

Так звучала официальная версия его биографии.

В Израиль его занесло не случайным ветром. Еще в отрочестве и юности он состоял в организации каких-то еврейских скаутов и ездил на каникулы в Эрец Исраэль – был энтузиастом, сионистом... А лет за пять до нашего знакомства переехал сюда, как полагал, навсе-

гда. Купил коттедж в молодом светлом городке под Иерусалимом... *(Маале-Адумим – лучший место в Эрец Исраэль! Я не знаю лучший место в мире! Ты чувствуешь – какой здесь воздух?! Это лучший воздух в мире!!! Нюхай, нюхай, ты будешь здоровая всю жизнь!!!)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.